

**ЛЮДИКЕ, БЕЛКАСЕМ И КОЧ
(LUEDISCHE, BELKASEM AND KOC)
против ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГЕРМАНИИ**

Судебное решение от 28 ноября 1978 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Г-н Людике, служащий британских вооруженных сил, расквартированных в Германии, в мае 1972 г. участковым судом Билефельда был признан виновным в нарушении Правил дорожного движения, оштрафован и на него была возложена оплата судебных издержек, включая расходы на перевод. После разного рода жалоб об исключении этих расходов из решения, он полностью оплатил судебные издержки.

Г-н Белкасем, по национальности алфирец оказался замешан в драке в ночном клубе Берлина, в апреле 1974 г. судом по делам молодежи Берлина-Тиргартена был признан виновным в нападении, повлекшем телесные повреждения: он был приговорен к четырем неделям тюремного заключения, штрафу и оплате судебных издержек, включая расходы на перевод. Заявитель безуспешно подавал жалобы по поводу оплаты этих расходов.

Г-н Коч был приговорен в декабре 1973 г. Аахенским судом шеффенов к одному году тюремного заключения за причинение тяжких телесных повреждений; ему было предписано оплатить судебные издержки за исключением расходов на перевод. Однако при рассмотрении жалобы, поданной прокуратурой, было вынесено решение, что и эти расходы должен нести заявитель. Тем не менее, учитывая *inter alia* его семейное положение, эти расходы не были принудительно взысканы с заявителя, а представитель Правительства, с согласия министра юстиции земли, Северный Рейн-Вестфалия информировал суд, что такое взыскание не будет проводиться и в будущем, тем более, что заявитель уехал из ФРГ на родину.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В своих жалобах, поданных в Комиссию соответственно 23 июля 1973 г., 20 декабря 1974 г. и 28 июля 1975 г. г-н Людике, г-н Белкасем и г-н Коч утверждали, что они являются жертвами нарушения статьи 6 п. 3 (е) Конвенции, поскольку они не владели в необходимой степени языком страны, а германские суды тем не менее возложили на них оплату расходов на перевод. Г-н Людике, г-н Белкасем утверждали также, что подверглись дискри-

минации в смысле статьи 14, т. к. будучи иностранцами, не говорящими по немецки, они оказались в менее благоприятном положении, чем немцы.

В своем докладе от 18 мая 1977 г. Комиссия выразила мнение:

единогласно, что решения по делу заявителей, касающиеся оплаты расходов на перевод, являются нарушением статьи 6 п. 3 (е) Конвенции; двенадцатью голосами против одного, что нет необходимости рассматривать дело в свете статьи 14.

Дело было передано в Суд Правительством Федеративной Республики Германии 1 октября 1977 г. и 10 октября 1977 г. Европейской Комиссией.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предложении прекратить рассмотрение дела г-на Коча

В своем заявлении о направлении дела в Суд Правительство утверждало: “Что касается заявителя Коча, то возникает другой вопрос, является ли он “жертвой” в смысле первого предложения п. 1 статьи 25 Конвенции, т. к. в его деле компетентные власти воздержались от взыскания судебных издержек (включая оплату переводчика), т. к. это было бесперспективно”. При этом Правительство оставило за собой право просить “о выделении дела г-на Коча в отдельное производство в соответствии со статьей 47 п. 2 Регламента Суда”.

Таким образом, в своей памятной записке Правительство предложило, чтобы Суд прекратил разбирательство дела г-на Коча. С согласия министра юстиции земли Северный Рейн Вестфалия оно заявило, что даже если он вернется в Федеративную Республику Германии, не будут взысканы в принудительном порядке “судебные и административные издержки поскольку их сумма была бы непропорционально велика по сравнению с суммой задолженности”. Правительство полагало, что в свете изменения в его пользу юридической ситуации у заявителя отпадает интерес в продолжении дела, тем более что аналогичный вопрос является предметом разбирательства в делах г-на Людике и г-на Белкасема.

Относительно возможности применения статьи 50 Конвенции представитель Правительства подчеркнула в ходе слушания, что, если Суд вынесет иное решение и продолжит разбирательство, Правительство полностью выполнит свои обязательства в соответствии с Конвенцией и никакого дополнительного решения по статье 50 не понадобится. Она уточнила, что это заявление действительно также и в отношении необходимых дополнительных расходов, понесенных г-ном Кочом.

8 мая 1978 г. представители Комиссии уведомили Суд, что, в соответствии с единогласно принятым решением Комиссии, они выступают против предложения Правительства. В то же время они передали Суду записку, где между прочим сообщали, что г-н Коч сохраняет интерес в продолжении рассмотрения его жалобы.

Во время слушаний 25 мая на вопрос председателя Палаты, главный представитель Комиссии вначале заявил, что Комиссия поддерживает мнение заявителя. Однако, выслушав вышеупомянутые заявления представи-

теля Правительства, он признал, что “у Суда могут быть веские основания не продолжать далее рассмотрение этого дела”. Представители отметили отсутствие общего интереса в продолжении рассмотрения дела и приняли к сведению информацию представителя Правительства относительно применения статьи 50.

Следовательно, Суду следует определить есть ли основания для выделения дела Коча в отдельное производство и его прекращения.

Согласно статье 47 п. 1 Регламента Суда, если сторона — заявитель уведомит гrefье о своем намерении отказаться от рассмотрения дела, то Суд, “получив заключение Комиссии, должен решить, оправданно ли это прекращение”. В связи с этим Суд отмечает, что Правительство не отказалось от участия в деле, поскольку его предложение относится не столько к п. 1, сколько к п. 2 статьи 47, который уполномочивает Суд отказаться от рассмотрения дела, переданного ему Комиссией, “когда он был проинформирован о мировом соглашении, урегулировании или ином обстоятельстве, свидетельствующем о разрешении дела”. т. к. настоящее дело было передано в Суд и Правительством, и Комиссией, Суд может принять одновременно предложение Правительства исключить дело г-на Коча из числа рассматриваемых дел только в том случае — даже если рассматривать предложение правительства как отказ от участия в деле — если будут соблюдены условия, содержащиеся в п. 2 статьи 47. Таким образом, Суд обязан установить, имеются ли по делу г-на Коча мировое соглашение, урегулирование или иное свидетельство о разрешения дела.

Суд официально принимает к сведению заявление Правительства, что “принудительного взыскания издержек, во исполнение решения Аахенского суда шеффенов от 6 декабря 1973 г. частично измененного решением Апелляционного суда Кёльна от 5 июня 1975 г., с заявителя Коча в будущем производиться не будет”, “даже если заявитель вернется в Федеративную Республику Германии”. Суд также принимает к сведению заявление представителя Правительства в связи с возможным применением статьи 50 Конвенции относительно необходимых внесудебных расходов г-на Коча.

Тем не менее заявление Правительства, будучи односторонним актом, не может, по мнению Суда, рассматриваться как равнозначное “мировому соглашению” или “урегулированию” в смысле п. 2 статьи 47 Регламента. Не может оно рассматриваться и как “обстоятельство, свидетельствующее о разрешении дела”. На практике отказ от взыскания сумм задолженности г-на Коча происходит не по основаниям статьи 1 п. 3 (е) Конвенции; он продиктован практическими трудностями, семейным и финансовым положением заявителя. Более того, отказ от взыскания еще не означает, что заявитель не заинтересован в проверке решения Апелляционного суда Кёльна, предписывающего ему оплатить расходы за перевод, с точки зрения соответствия этого решения Конвенции. т. к. г-н Коч потребовал возмещения понесенных им вспомогательных расходов, в дальнейшем рассмотрение его дела Судом оправданно по причине возможности применения в отношении него статьи 50. Рассмотрение дела г-на Коча позволяет Правительству получить от Суда толкование Конвенции и столь важный для него окончательный ответ в споре мнений по поводу смысла соответствующих статей; как справедливо подчеркивали делегаты Комиссии суть дела коренится в данном конфликте.

На основании изложенного Суд принял решение не выделять дело г-на Коча от двух других и не прекращать его производством.

О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 3 (е)

38. В жалобе заявителей утверждается, что решения участковых судов Билефельда и Берлина, а также Апелляционного суда Кёльна о возложении на них оплаты расходов по переводу являются нарушением статьи 6 п. 3(е) Конвенции, которая предусматривает:

“Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

(е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем”.

В своем докладе Комиссия единогласно выразила мнение, что оспариваемые решения нарушают статьи 6 п. 3(е). Комиссия исходит из того, что каждый обвиняемый, который “не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем”, должен получить бесплатную помощь переводчика и не должен платить за возникшие в результате этого судебные расходы.

Правительство оспаривает правильность этого мнения. Оно утверждает, что статья 6 п. 3 (е) Конвенции освобождает обвиняемого от предварительной оплаты перевода, но не мешает возложить на него эту оплату в случае его осуждения.

39. В целях толкования статьи 6 п. 3 (е) Суд будет руководствоваться, так же как это делали Правительство и Комиссия статьями 31—33 Венской конвенции о праве договоров от 23 мая 1969 г. (см. решение по делу Голдера от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18. С. 14, п. 29). Для того чтобы решить проблему, поставленную данным делом, Суд постарается установить “обычное значение, которое должно быть придано терминам” статьи 6 п. 3 (е) “в контексте и в смысле предмета и цели” статьи 31 п. 1 Венской Конвенции).

Суд, как и Комиссия, находит, что термин “бесплатно” в п. 3 (е) статьи 6 имеет сам по себе вполне ясное и определенное значение. Во французском языке выражение “бесплатно” означает “даром, дающееся ни за что, безвозмездно” (Littre, Dictionnaire de la française “чем можно пользоваться не платя” (Hatzfeld et Darmestet ter, Dictionnaire de la française), “даром, без необходимости что-либо платить” в противоположность выражению “за плату” (Larousse. Dictionnaire de la française), “даром, безвозмездно, не получая ничего взамен” (Rober. Dictionnaire alhabetique et analogique de la française). Также и в английском “бесплатный” означает “без оплаты, даром” (Shorter Oxford Dictionary), “ничего не стоящий, даваемый или поставляемый без цены и оплаты” (Webster’s Third New International Dictionary).

Следовательно, Суд не может придавать термину “бесплатно” значение, не свойственное ему в обоих официальных языках, которыми пользуется Суд: этот термин не обозначает ни освобождение от оплаты на определенных условиях ни временные льготы по оплате, ни приостановку платежа, а всеобщее и полное освобождение от необходимости платить.

По мнению Правительства, все права, перечисленные в п. 3 статьи 6, относятся к уголовному процессу и становятся беспредметными, как только судебный процесс, справедливый характер которого они призваны гарантировать, заканчивается вынесением окончательного и общеобязательного решения. Правительство утверждало, что эти права, конкретизирующие содержание права на справедливое судебное разбирательство — статья 6 п. 1 — относятся только к обвиняемому (“каждому человеку, обвиняемому в совершении уголовного преступления”). Правительство также ссылалось на презумпцию невиновности, — статьи 6 п. 2 — опровергаемую лишь вынесе-

нием окончательного обязательного к исполнению обвинительного приговора; различные гарантии справедливого судебного разбирательства связаны с презумпцией невиновности обвиняемого, и соответственно их действие ограничено тем же самым временем, что и действие этой презумпции. По мнению представлению Правительства, возмещение стоимости судебного разбирательства – это одно из следствий обвинительного приговора, полностью выходящее за сферу действия статьи 6.

Суд констатирует, что в целях обеспечения справедливого судебного разбирательства в п. 3 статьи 6 перечислены некоторые права (минимальные права), предоставляемые обвиняемому (каждому, кому “предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления”). Однако, из этого не следует применительно к подпункту (е), что от обвиняемого можно требовать оплаты расходов по переводу, после того как он был осужден. Подобное прочтение статьи 6 п. 3 (е) позволяя внутренним судам возлагать такие расходы на осужденного, равносильно ограничению временных рамок действия статьи и практически означает, что обвиняемый в случае последующего осуждения лишается пользования этим правом. При таком толковании статья 6 п. 3 (е) теряет в значительной мере свою эффективность. Обвиняемый, который не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем, оказывается в неблагоприятном положении по сравнению с обвиняемым, который этим языком владеет — это те самые неблагоприятные условия, которые призвана сгладить статья 6 п. 3 (е).

Более того, нельзя исключить, что обязанность осужденного оплатить расходы по переводу может отрицательно сказаться на его праве на справедливое судебное разбирательство, гарантируемое статьей 6 (см. решение по делу Гольдер от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18, с. 18, п. 36) даже если, как это происходит в Федеративной Республике Германия, переводчик официально назначается для оказания помощи обвиняемому, не владеющему языком суда. Такое назначение устраняет в принципе те серьезные неудобства, которые возникают у осужденного, если бы он защищал себя сам на языке, которым он не владеет или владеет не достаточно хорошо и это важнее чем появление дополнительных расходов. Тем не менее, как было указано делегатом Комиссии, остается риск, что в определенных случаях, назначение переводчика будет зависеть от отношения обвиняемого, на которое в свою очередь будет влиять страх перед возможными финансовыми последствиями.

Предлагаемое Правительством толкование идет в разрез не только с принятым значением термина “бесплатно”, но и с целью статьи 6, в частности п. 3 (е); если бы этот последний сводился к гарантии права на временное освобождение от оплаты, не препятствуя внутренним судам возлагать на осужденных расходы по переводу, — это отрицательно сказалось бы на праве на справедливое судебное разбирательство, защищаемое данной статьей Конвенции.

Правительство приводит и другие доводы в обоснование своей точки зрения.

Оно пытается опираться на статью 6 п. 3 (с), которая предоставляет каждому человеку, обвиненному в совершении уголовного преступления, право “защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия”. Правительство также сослалось на подпункт (d), со-

гласно которому каждый обвиняемый имеет право “допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него”.

Правительство утверждает, что слова “бесплатно”, используемые в двух подпунктах (с) и (е), должны иметь в обоих случаях одно и то же значение. Однако ничто не подтверждает, что в подпункте (с) это слово полностью освобождает обвиняемого в случае его осуждения от платы за правовую помощь адвоката, предоставленную в соответствии с этой нормой.

Более того, для Правительства эти три подпункта (с), (d) и (е) п. 3 статьи 6 отличаются от двух предшествующих подпунктов тем, что осуществление сформулированных в них прав связано с финансовыми последствиями; было бы ошибочно полагать, что Конвенция произвольно различает финансовый режим каждого из оговоренных прав, предоставив обвиняемому раз и навсегда освобождение от оплаты перевода.

Суд не принял этот довод. В ходе разбирательства по данному делу перед Судом не стоит вопрос о толковании п. 3 (с) и (d) статьи 6, которые говорят о других ситуациях, нежели подпункт (е). Соответственно Суд не намерен устанавливать, будут ли, на каком основании и на каких условиях присуждаться расходы, связанные с двумя первыми ситуациями, и будут ли они возложены на обвиняемого в случае его осуждения.

Суд ограничивается следующим замечанием: какие бы сомнения ни возникали при толковании подпунктов (с) и (d), на них нельзя ссылаться в попытках противопоставить их четкому значению прилагательного “бесплатный” в подпункте (е).

Правительство утверждало, наконец, что было бы не логично освободить осужденного от оплаты расходов по переводу в ходе судебного заседания и не освободить его от оплаты, связанной с требованием подпункта (а), согласно которому каждый, кому предъявлено обвинение в совершении уголовного преступления, имеет право “быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения”.

Данный довод основывается на предположении, что право на бесплатную помощь переводчика, которое гарантирует п. 3 (е), охватывает только расходы по переводу во время слушания дела в суде. Однако нельзя исключить, что п. 3 (е) должен применяться также и к расходам по переводу обвинения, упомянутого в подпункте (а), а также расходов по переводу во исполнение требования статьи 5 п. 2, согласно которой каждому арестованному сообщаются незамедлительно на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение. Суд вернется к этой проблеме (см. п. 48 и 49 ниже).

Таким образом, Суд находит, что обычное значение термина “бесплатно” в п. 3 (е) статьи 6 не противоречит контексту подпункта и подтверждается задачами и целью статьи 6. Суд приходит к выводу, что статья 6 п. 3 (е) наделяет каждого, кто не говорит или не понимает языка, используемого в суде, правом на получение бесплатной помощи переводчика, без последующего возложения на него возникших расходов.

Остается определить, совместимы ли оспариваемые решения немецких судов с таким толкованием статьи 6 п. 3 (е) и в какой мере.

Перед Судом выявилось различие во мнениях между Правительством и Комиссией относительно того, какие расходы подпадают под действие ста-

тьи 6 п. 3 (е). Правительство полагает, что статья 6 п. 3 (е) “очевидным образом устанавливает, что помощь переводчика предоставляется во время слушаний”, но она не применима к другим расходам по переводу.

Утверждение Правительства, правильность которого оспаривается представителями Комиссии, не может быть принято Судом. Статья 6 п. 3 (е) не говорит, что каждый обвиняемый имеет право на получение бесплатной помощи переводчика, “если оно не понимает языка, используемого во время слушаний, или не говорит на этом языке”. Представители Комиссии разъяснили, что эта формула лишь определяет условия предоставления бесплатной помощи переводчика. Английский текст, “используемый в суде”, шире чем “используемый в слушании” и это еще один аргумент.

В контексте права на справедливое разбирательство, гарантированного статьей 6 п. 3 (е), подпункт (е) означает, что обвиняемый, который не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на нем, имеет право на бесплатную помощь переводчика для письменного или устного перевода всех документов или заявлений по возбужденному против него делу, которые необходимы ему для понимания происходящего и гарантировать его права.

В этой связи между тремя рассмотренными случаями существуют некоторые различия.

Г-н Людике должен был заплатить 225,40 немецкой марки в качестве расходов за перевод, включая 154,60 немецкой марки за перевод в ходе слушания. Представители Правительства не смогли сообщить Суду каких-либо подробностей относительно остающейся разницы; соответственно Суд не может сделать вывод, что она находится вне сферы гарантии статьи 6 п. 3(е).

В отношении г-на Коча расходы по переводу относятся исключительно к трем слушаниями в суде шеффенов при Земельном суде Аахена и составляют соответственно 311,50, 510,50 и 112,50 немецкой марки. Таким образом, эти расходы бесспорно находятся в сфере действия статьи 6 п. 3 (е).

Переводческие расходы, к оплате которых был присужден г-н Белкасем, связаны с четырьмя процессуальными стадиями, а именно явкой обвиняемого к судье (33,25 немецкой марки), судебным контролем его содержания под стражей (67,60 немецкой марки), переводом обвинительного заключения (90,20 немецкой марки) и слушанием дела в суде (130,90 немецкой марки). По мнению Суда, статья 6, п. 3 (е) охватывает все эти расходы.

Соответственно, Суд делает вывод, что оспариваемые решения немецких судов были приняты в нарушение статьи 6 п. 3 (е) Конвенции.

О предполагаемом нарушении статьи 14

В своих жалобах в Комиссию г-н Людике и г-н Белкасем утверждали, что имеет место дискриминация, поскольку, будучи осужденным, иностранец, не знающий немецкого, вынужден оплачивать расходы по переводу и тем самым нести более тяжелую финансовую ответственность, чем гражданин государства-ответчика.

По мнению г-на Людике, такое обращение нарушает статью 14 Конвенции, которая предусматривает:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или иным любым”.

В своем решении о приемлемости жалоб от 11 марта 1976 г. (г-н Люди́ке) и 4 октября 1976 г. (г-да Белкасем и Коц) Комиссия посчитала, что положение “ставят вопросы... подпадающие под статью 14” иностранцев.

Тем не менее в докладе Комиссии от 18 мая 1977 г. говорилось, что она не считает необходимым рассмотрение дела на основе статьи 14, т. к. из ее выводов по статье 6 п. 3 (е) следует, что оплата расходов по переводу не должна требоваться ни от кого. Главный ее представитель в особом мнении оговорил, что он не согласен с этой точкой зрения.

Наконец, в своем обращении от 10 октября 1977 г. при передаче дела в Суд, Комиссия просила его “разрешить вопрос, представляет ли требование оплаты осужденными гонораров переводчика... также и нарушение статьи 14 в сочетании со статьей 6 п. 3 (е)”.

Правительство утверждало, что заявители не являлись жертвой дискриминации в нарушение статьи 14.

Соглашаясь с Комиссией, Суд считает, что в конкретных обстоятельствах дела нет необходимости рассматривать его на основании статьи 14. Для его решения достаточно статьи 6 п. 3 (е). Для того, чтобы обеспечить право на справедливое судебное разбирательство, статья 6 п. 3 (е) ставит целью предупредить любое неравенство между обвиняемым, который не знает языка, используемого в суде, и обвиняемым, который понимает этот язык и говорит на нем; правило п. 3 (е) должно рассматриваться как конкретная норма по отношению к общей норме, выраженной в статье 6 п. 1 и статье 14, взятых совместно. Соответственно, не требуется применение этих двух статей.

О применении статьи 50

54. Согласно статье 50 Конвенции, “если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

По правилам Регламента, если Суд “констатирует нарушение Конвенции, он обязан одновременно решить вопрос о применении статьи 50 Конвенции, если этот вопрос готов для решения; если нет, Суд полностью или частично откладывает его и определяет дальнейшую процедуру”.

8 мая 1978 г. представители Комиссии передали в Суд мнения заявителей о применении статьи 50 Конвенции. Г-н Люди́ке просит компенсации в виде “возмещения выплаченных им гонораров переводчику и внесудебных расходов, понесенных при разбирательстве данного дела”. Г-н Белкасем указал, что до настоящего времени ему не пришлось оплачивать расходы по переводу и заявил, что, по-видимому, он не понес никаких потерь. Он добавил, что “расходы, включая дорожные издержки, вызванные его участием в данном судебном разбирательстве, являются потерей только в самом широком смысле слова”. Г-н Коч уточнил, что в свете заявления представителя Правительства об отказе от взыскания расходов, он воздерживается от требования конкретного возмещения; однако в случае, если Суд согласится с выводами Комиссии, он просит Суд “возложить на Федеративную Республику Германии возмещение внесудебных расходов, понесенные заявителем в настоящем процессе”.

Во время слушаний 25 мая 1978 г. представитель Правительства заявила, что “Федеративная Республика Германии полностью выполнит свои обязательства согласно Конвенции, если Суд придет к выводу, что имело место нарушение Конвенции, и поэтому, чтобы обеспечить исполнение решения Суда, нет необходимости в особом решении в соответствии со статьей 50”. Она указала, что Правительство не только внесет в Бундестаг законопроект с целью внесения поправки в ныне действующее законодательство, но и предпримет также шаги по устранению любых иных неблагоприятных последствий, от которых заявители пострадали в рамках разбирательства их дел. Вопрос о необходимых внесудебных расходах, которые понесли заявители, будет, добавила она, справедливо урегулирован компетентными властями.

Представители Комиссии заявили, что при таком отношении Правительства, которое они приветствуют, они не считают нужным делать в этой связи какие-либо замечания.

Официально принимая к сведению заявление, сделанное представителем Правительства, и отмечая заявление представителей Комиссии, Суд считает, что вопрос о применении статьи 50 Конвенции готов для решения в части расходов на перевод, понесенных г-ном Людике; что касается других заявителей, то они к настоящему времени не определили свои требования. Решение вопроса относительно этих требований откладывается, и дальнейшая процедура их рассмотрения должна быть определена с учетом правил Регламента Суда.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

Решил единогласно не прекращать дело заявителя Коча ;

Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 6 п. 3 (е) Конвенции;

Постановил единогласно, что рассматривать дело на предмет соответствия статье 14 нет необходимости;

Постановил единогласно, что Федеративная Республика Германии должна возместить г-ну Людике расходы по переводу, который ему пришлось оплатить;

Постановил единогласно, что вопрос о применении статьи 50 не готов для решения в том, что касается других требований заявителей; соответственно,

(а) *отложил* указанный вопрос о других требованиях;

(б) *предложил* всем представшим перед Судом уведомить его в течение трехмесячного срока по вынесении настоящего решения о мировом соглашении, к которому Правительство и заявители могли бы прийти в связи с означенным делом;

(с) *отложил* решение вопроса о дальнейшем рассмотрении данного дела.

Совершено на английском и французском языках, французский текст является аутентичным, оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 28 ноября 1978 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Жерар Виарда
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МОСЛЕРА

В целом я согласен с судебным решением за исключением одного из оснований, по которым Палата не прекратила дело г-на Коча.

Во втором абзаце п. 36 решения Палата справедливо отмечает, что заявление Правительства о том, что принудительное взыскание издержек не будет производиться, не является “обстоятельством, свидетельствующим о разрешении дела”. Палата пришла к выводу, что статья 47 п. 2 Регламента Суда не позволяет отказаться от рассмотрения этого дела.

Правительство сделало это заявление во время слушаний в Суде (см. п. 29 решения). Прямое и непосредственное следствие решения Апелляционного суда Кёльна от 5 июня 1975 г., на которое жаловался г-н Коч в своей жалобе, таким образом, ликвидировано. Однако юридический интерес г-на Коча продолжить разбирательство в настоящем Суде продолжает существовать, т. к. возможны и такие последствия, которые данное заявление не снимает и которые дают основание для присуждения справедливого возмещения в соответствии со статьей 50 Конвенции. Данное основание продолжения производства по делу было также подчеркнуто Палатой (в конце второго абзаца п. 36), но главная причина состоит в том, что заявление не устраняет юридического интереса заявителя в установлении несовместимости с Конвенцией решения Апелляционного суда Кёльна, предписывающего ему оплатить расходы на перевод. Фактически Правительство настаивает, что немецкое право и его применение германскими судами в отношении г-на Коча соответствует Конвенции. Как следует из решения Суда это никак не вытекает из статьи 6 п. 3 (е) Конвенции.

Данные рассуждения могут, по-моему, привести к выводу, что лицо, обращаясь в Комиссию, может требовать не только отмены акта, нарушившего его права, и присуждения справедливого возмещения, но также и решения Суда о совместимости с Конвенцией закона и основанного на нем судебного решения, которые привели к нарушению. Более того, мне представляется, что в решении указан мотив, по которому должна произойти такая отмена.

Все признают, что статья 25 Конвенции не наделяет индивидуальных заявителей правом оспаривать законодательство Договаривающейся Стороны. Заявитель может обжаловать лишь конкретное допущенное в отношении него нарушение. Если акт, породивший нарушение, отменен государством во время разбирательства в одном из учреждений Конвенции, жалоба становится беспредметной, если только заявитель не понес иного ущерба, чем тот, что явился следствием этого акта.

Я не считаю, что статья 25 может толковаться как наделяющая заявителя юридическим интересом добиваться установления в его частном случае несовместимости с Конвенцией ни какого-либо закона страны, ни основанного на нем решения национального суда, если только такая констатация не является необходимой, чтобы принять решение, имело ли место нарушение Конвенции применительно к конкретному делу заявителя. т. к. это последнее

условие в настоящем случае имеется, Суд должен вынести решение по делу г-на Коча.

В данном судебном деле решение ограничивает юридический интерес заявителя конкретным случаем. Однако, если ему будет придано более широкое значение, о чем я говорил выше, я не смогу согласиться со всеми его последствиями.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛАГЕРГРЕНА

Я присоединяюсь к решению, но хотел бы заявить следующее.

Большая дискуссия в ходе разбирательства была посвящена вопросу толкования статьи 6 п. 3 (с) Конвенции. Взятый сам по себе термин “бесплатно” должен, по необходимости, иметь одинаковое, не требующее уточнений значение в п. 3 (с) и (е) статьи 6. По моему мнению, из формулировки подпункта (с) следует, что обвиняемый, после его осуждения должен быть освобожден от оплаты предоставленной ему правовой помощи, по крайней мере пока у него нет достаточно средств, чтобы ее оплатить. Если вышестоящий суд или иной орган, рассматривающий дело в порядке апелляции, установит, что правовая помощь в интересах правосудия фактически не требовалась, заинтересованное лицо не обязано платить за такую помощь, даже если у него появятся достаточные средства.